

§ 5 МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В XXI ВЕКЕ

Заворина Ю.А.

КОНЦЕПЦИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И ЕЕ ВОПЛОЩЕНИЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Аннотация: Предметом исследования являются особенности воплощения в международном праве ключевой идеи концепции устойчивого развития – интеграции экономического развития и охраны окружающей среды. Рассматриваются такие аспекты темы, как соотношение права государств на развитие с необходимостью учитывать интересы защиты окружающей среды, антропоцентризм концепции устойчивого развития. Автор комплексно исследует элементы устойчивого развития в нормах международного права различных отраслей и устанавливает отсутствие у государств обязанности обеспечивать интеграцию экономических и экологических интересов в ходе осуществления права на развитие. Методологическую основу исследования составляет совокупность методов научного познания, в том числе общенаучные методы – анализ и синтез; частнонаучные методы – формально-юридический, историко-правовой, метод правового прогнозирования. Особым вкладом автора является системное осмысление международных инструментов в области устойчивого развития и выявление факторов политико-правового характера, которые препятствуют реализации идей устойчивого развития на международно-правовом уровне. Отмечается, что расхождение между концепцией и тем, как она воплощается в международном праве, играет важную роль в недостижении баланса между двумя конкурирующими компонентами устойчивого развития. Рассматриваются возможные пути сближения основной идеи концепции и ее международно-правового содержания.

Ключевые слова: Концепция устойчивого развития, международное право, экономическое развитие, Декларация Рио-де-Жанейро, государственный суверенитет, международные соглашения, защита окружающей среды, антропоцентризм, права человека, перспективы устойчивого развития.

Abstract: The subject of this research is the features of implementation of the key idea of the concept of sustainable development within international law – integration of economic development and protection of the environment. The work presents such aspects of the topic as correlation of the right of states to development with the need to consider the interests of environmental protection, and anthropocentrism of the concept of sustainable development. The author carefully examines the elements of sustainable development within the norms of international law of various branches and establishes the lack of state responsibility to ensure the integration of economic and environmental interests during the course of exercising their right to development. The author's contribution to the research of this topic is the systemic examination of international instruments in the area of sustainable development and determination of factors of political legal nature, which impede the realization of ideas for sustainable development on the international law level. The author notes that the disagreement between the concept and how it is implemented within international law plays an important role in achieving a balance between two competing components of sustainable development. The article explores the possible ways of bringing together the main idea of the concept and its international legal content.

Keywords: Anthropocentrism, environmental protection, international agreements, national sovereignty, Rio-de-Janeiro Declaration, economic development, international law, concept of sustainable development, human rights, prospects of sustainable development.

Концепция устойчивого развития и ее международно-правовой аспект

С момента появления основных международных документов по вопросам устойчивого развития в контекст устойчивого развития «вплетаются» все большее количество проблем:

голод в странах третьего мира, истощение озонового слоя, изменение климата, уничтожение лесов, загрязнение водных акваторий и атмосферного воздуха. Эти проблемы носят глобальный характер, поэтому их решение возможно только совместными усилиями мирового сообщества, а значит, требует координации и регулирования

деятельности государств, в том числе, средствами международного права.

При этом путь мирового сообщества на пути к устойчивому развитию характеризуется проблемами системного характера, связанными с невозможностью реализации основной идеи устойчивого развития – интеграции двух основных компонентов устойчивого развития: экономического развития и защиты окружающей среды. Так, в аналитических материалах, посвященных 20-летию Саммита в Рио-де-Жанейро, отмечается, что хотя Саммит дал толчок к развитию экологического законодательства и включению во многие административные и хозяйственных процедуры норм, направленных на обеспечение устойчивого развития, в самой модели устойчивого развития не произошло заметных изменений, чтобы обеспечить одновременный прогресс в социальной, экономической и экологической сферах [1, С.21]. В докладе ООН «Цели тысячелетнего развития» за 2015 год говорится о необходимости устранить коренные причины существующих проблем и решительнее заниматься интеграцией экономических, социальных и экологических измерений устойчивого развития [2, С. 3].

Обусловлены ли эти проблемы на пути к устойчивому развитию несовершенством существующих международно-правовых средств, либо в большей степени воплощают недостатки самой доктрины? Ответить на этот вопрос можно, установив некоторые особенности воплощения концепции устойчивого развития в современном международном праве.

Для начала, необходимо разграничить концепцию устойчивого развития как систему взглядов и концепцию устойчивого развития в международно-правовом аспекте. Первая сформировалась исторически в результате критического осмысления роли человека в окружающей среде и в самом широком смысле отражает новый уровень представлений мирового сообщества относительно дальнейшего пути развития человечества. Важнейшим этапом в формировании концепции устойчивого развития как системы взглядов является деятельность Международной комиссии по окружающей среде и развитию, основным результатом которой стал доклад «Наше общее будущее»[3].

Международно-правовое содержание концепции устойчивого развития отражает то, в какой мере осознание мировым сообществом необходимости разрешения противоречий развития в настоящее время подкреплено политической волей субъектов международного права и отражено в источниках международного права. Кроме того, международное право интересуется лишь определенным «глобальный» аспект устойчивого развития – тот «срез» проблем,

для решения которых необходимо использование «арсенала» международного права.

Идея интеграции экономического развития и защиты окружающей среды – ключевой элемент концепции

В докладе Комиссии прослеживается идея о том, что необходимость интеграции двух компонентов (экономического развития и защиты окружающей среды) является принципиальной для достижения цели устойчивого развития[3]. Затем необходимость сочетать экономическое развитие и защиту окружающей среды была отражена в принципе 13 Стокгольмской декларации[4], пункте 7 Всемирной хартии природы [5], в принципе 4 Декларации Рио-де-Жанейро [6].

В дальнейшем идея о необходимости сочетания экономического развития с охраной окружающей среды претерпевала определенные изменения, среди которых: выделение социального развития как отдельного компонента устойчивого развития; усиление акцента на необходимости обеспечения комплексного развития всех компонентов устойчивого развития, без превалирования одних аспектов над другими.

В пункте 5 Йоханнесбургской декларации по устойчивому развитию 2002г. экономическое развитие, социальное развитие и охрана окружающей среды определяются как «взаимосвязанные и подпирющие друг друга основы устойчивого развития»[7]. Пункт 246 Итогового документа Конференции Рио 20+«Будущее, которого мы хотим» закрепляет, что «цели устойчивого развития должны затрагивать и сбалансированно охватывать все три компонента устойчивого развития и взаимосвязи между ними»[8].

Что касается моделей интеграции экологического и экономического фактора, то в науке различают два основных подхода к пониманию устойчивости развития: «сильная устойчивость» и «слабая устойчивость». В модели «слабой устойчивости» экономический аспект остается преобладающим, поскольку без развитой экономики невозможно обеспечить социальное развитие и должную защиту окружающей среды. Модель «сильной устойчивости» основана на понимании того, что экономика не сможет существовать и, тем более, развиваться длительное время, если окружающей среде был нанесен непоправимый ущерб. Природный капитал является основной ценностью, а его сохранение – основным приоритетом устойчивого развития[9].

В целом, нельзя не отметить, что в нормах международного права можно найти воплощение отдельных элементов как сильной «сильной», так и «слабой»

устойчивости. При этом единая модель интеграции экономического развития и защиты окружающей среды на уровне текстов основных деклараций по вопросам устойчивого развития не закрепляется.

При таких обстоятельствах возникает вопрос, как опосредована общая идея интеграции экономического развития и защиты окружающей среды средствами международного права и связаны ли государства юридически необходимостью учитывать экологический фактор в ходе социально-экономического развития.

Особенности воплощения в международном праве идеи интеграции экономического развития и защиты окружающей среды

В литературе справедливо отмечается, что уже в принципе 4 Декларации Рио-де-Жанейро в его буквальном прочтении говорится не столько об интеграции двух компонентов устойчивого развития, сколько об учете защиты окружающей среды при осуществлении права на развитие. Применяя формально-юридический подход, следует согласиться с мнением, что роль принципа 4 Декларации Рио-де-Жанейро скорее состоит лишь в том, чтобы все решения в области развития не принимались без учета соображений охраны окружающей среды [10, С.117].

Кроме того, закрепившись в международном праве, концепция устойчивого развития приобрела еще ряд характерных особенностей, которые позволяют прийти к выводу об отсутствии юридической обязанности государств учитывать соображения охраны окружающей среды в процессе экономического развития.

Во-первых, основные принципы, которые традиционно считаются раскрывающими суть концепции устойчивого развития, содержатся в вышеперечисленных декларациях международных конференций, принятых по вопросам охраны окружающей среды, которые в литературе часто именуется «мягким правом».

В литературе существует мнение, что принципы Декларации Рио-де-Жанейро образуют содержание отдельного принципа международного права, имеющего нормативную ценность, – принципа устойчивого развития [11, С.54; 12, С.106; 13, С.15-16]. Другие авторы не считают устойчивое развитие сформировавшимся принципом международного права [14]. Третьи отмечают отсутствие у устойчивого развития нормотворческого потенциала, достаточного для формирования традиционного принципа международного права в форме международного обычая [15, С.24].

Своеобразным «оплотом» сторонников точки зрения о том, что устойчивое развитие является нормативным принципом международного права,

существующим в форме международного обычая, остается особое мнение Судьи Международного Суда Г.К.Виранантри по делу Габчиково – Надьмарош, рассмотренному Международным судом еще в 1997 году. Судья Г.К. Виранантри в обоснование существования принципа устойчивого развития сослался на инструменты «мягкого права», многосторонние договоры, практику международных финансовых институтов, региональные декларации и прогнозные документы, а также практику государств. Однако Международный Суд уклонился от оценки спорного проекта на соответствие целям устойчивого развития как нормы международного права, указав лишь на необходимость оценки экологических последствий деятельности сторон в интересах устойчивого развития [16]. В контексте этого и последующих решений Международного Суда (например, решение по делу Палп Миллз 2010 года, в котором Международный Суд также воздержался от применения устойчивого развития в качестве правового принципа [17]) точка зрения о существовании нормативного принципа устойчивого развития представляется крайне спорной.

Более того, дискуссионным остается более важный вопрос о том, какой набор положений международных актов составляет международно-правовое содержание принципа устойчивого развития. Нечеткость и неоднозначность формулировок, которыми оперируют основные международные документы, принятые по вопросам устойчивого развития, и различие контекстов употребления термина «устойчивое развитие» затрудняют формирование всеобщей практики применения принципа как условия формирования международного обычая.

Во-вторых, необходимость защиты окружающей среды в рамках устойчивого развития сформулирована в непосредственной связи с положениями о праве на развитие и суверенитете над природными ресурсами. В частности, это прослеживается в положениях Стокгольмской декларации [4] и принципе 3 Декларации Рио-де-Жанейро [6].

Принцип суверенитета над природными ресурсами также закреплен в большей части международных договоров в природоохранной области. Например, согласно ст.3 Конвенции о биологическом разнообразии, «в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций и принципами международного права государства имеют суверенное право разрабатывать свои собственные ресурсы согласно своей политике в области окружающей среды и несут ответственность за обеспечение того, чтобы деятельность в рамках их юрисдикции или под их контролем не наносила ущерба окружающей среде других госу-

дарств или районов за пределами действия национальной юрисдикции»[18]. Указанная конвенция и другие международные соглашения подтверждают право государств разрабатывать свои собственные ресурсы со ссылкой на Устав ООН и принципы международного права. Это право составляет международно-правовую основу политики, ориентированной на экономический рост за счет эксплуатации природных ресурсов.

Упомянутая ссылка на Устав ООН и принципы международного права свидетельствует о том, что суверенитет над собственными природными ресурсами является воплощением принципа суверенного равенства государств как общепризнанного принципа международного права, закрепленного в части 1 статьи 2 Устава ООН. Таким образом, право государств осуществлять экономическое развитие на базе собственного природного потенциала по своей юридической силе несоизмеримо с положениями о необходимости учета в процессе развития экологического фактора, вопрос о нормативном значении которых носит дискуссионный характер.

В рассматриваемом контексте нельзя не учитывать существование в указанных многосторонних договорах по проблемам охраны окружающей среды обязательных норм, направленных на защиту отдельных компонентов окружающей среды (в том числе, путем ограничения свободы торговли и некоторых видов хозяйственной деятельности). В указанных международных договорах обязательства в сфере охраны окружающей среды и право государств на суверенное использование собственных природных ресурсов взаимно ограничивают друг друга применительно к заданной сфере правового регулирования.

Например, Протокол 1996г. об изменении Конвенции по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов, запрещающий сброс в море отходов и других материалов (за исключением признанных допустимых) и сжигание в море отходов, содержит изъятия по отношению к внутренним водам – предусмотрено, что договаривающаяся сторона по своему усмотрению либо применяет в морских внутренних водах положения протокола, либо принимает другие эффективные разрешительные и регулирующие меры для борьбы с преднамеренным удалением отходов или других материалов [19].

Кроме того, из анализа указанных международных договоров, а также Конвенции о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния, Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением, Конвенции по охране и использованию трансгранич-

ных водотоков и международных озер, Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте следует, что принятие государством юридических обязательств в области охраны окружающей среды, связанных с возможностью ограничения экономической деятельности, осуществляется в случае, когда такая деятельность осуществляется либо за пределами национальной юрисдикции, либо в пределах национальной юрисдикции, но при условии, что она сопряжена с возможностью возникновения неблагоприятных трансграничных последствий для других государств. Таким образом, правовой режим, характеризующийся наличием юридических обязательств государств в области охраны окружающей среды на своей территории, в основном, формируется на основе принципа непричинения государствами ущерба окружающей среде других государств или пространств за пределами национальной юрисдикции и принципа государственного суверенитета над своими национальными природными ресурсами, а не принципа или цели устойчивого развития. Таким образом, учет экологических интересов в рассматриваемом случае обеспечивается на основе иных норм международного права, а не в силу установок на обеспечение устойчивого развития.

Безусловно, существуют международные договоры, в которых принятие международных обязательств по охране окружающей среды прямо не сопряжено с возможностью возникновения трансграничных последствий, а связано с осознанием важности какого-либо ресурса для всего человечества, либо глобального характера угрозы (Конвенция о биологическом разнообразии, Конвенция в отношении мигрирующих видов диких животных, Рамочная конвенция об изменении климата).

Однако, несмотря на нормативный характер самих международных актов, в их текст включены положения, свидетельствующие об отсутствии юридической обязанности государств следовать интересам устойчивого развития. Так, из Конвенции о биологическом разнообразии следует, что устойчивое использование биологического разнообразия может осуществляться государствами – участниками конвенции добровольно и по мере возможности[18]. Конвенция по сохранению мигрирующих видов диких животных также предписывает предотвращать, уменьшать или контролировать влияние факторов, которые угрожают или, по всей вероятности, могут угрожать данным видам – по мере возможности и там, где это целесообразно[20]. Буквальное толкование указанных положений позволяет прийти к выводу, что устойчивое использование ресурсов и принятие мер,

направленных на их защиту, не является безусловно обязательным, а может осуществляться лишь по мере возможности и если это целесообразно.

Таким образом, нормы международного права обязывают государства учитывать негативное воздействие экономической деятельности на различные компоненты окружающей среды (т.е. следовать цели устойчивого развития) в случаях, когда это негативное воздействие может повлечь неблагоприятные последствия для окружающей среды другого государства. При осуществлении экономической деятельности в пределах национальной юрисдикции и в отсутствие трансграничного контекста, в правовом аспекте наблюдается полное преобладание принципа суверенитета над природными ресурсами над основной идеей концепции устойчивого развития – необходимостью поиска баланса экономического развития и защиты окружающей среды. Это означает, что в пределах национальной юрисдикции идея устойчивого развития применима только как политический принцип и только на добровольной основе.

Между тем, именно в этой сфере идея экологически устойчивого развития наталкивается на необходимость удовлетворения потребностей растущего населения за счет устойчивого экономического роста и эксплуатации природных ресурсов, а значит именно в этой сфере экономический и экологический компоненты устойчивого развития вступают в наибольшее противоречие.

В-третьих, окружающая среда, биосфера не обладает правосубъектностью, поэтому возникает потребность в условной правовой конструкции, которая обеспечивала бы возможность опосредованно представлять интересы окружающей среды. Такой конструкцией в международном праве являются интересы будущих поколений.

Так, необходимость интеграции экономического развития и защиты окружающей среды опосредуется в международных документах через справедливое распределение ресурсов между нынешним и будущими поколениями. Необходимость учета интересов будущих поколений отражена в принципах 2 и 21 Стокгольмской декларации, принципе 3 Декларации Рио-де-Жанейро, преамбуле и части 1 ст.3 Рамочной конвенции об изменении климата, преамбуле Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящихся под угрозой исчезновения, преамбуле Соглашения по сохранению китообразных Черного и средиземного морей и прилегающей Атлантической акватории, преамбуле Конвенции о сохранении мигрирующих видов диких животных. Способность удовлетворять потребности нынешнего

и будущих поколений упоминается как критерий устойчивости использования биологических ресурсов в Конвенции о биологическом разнообразии[18].

Удобство этой конструкции для целей правоприменения в интересах защиты окружающей среды справедливо оценивается в литературе как весьма спорное [10,С.120]. Представляется, что такая конструкция практически неприменима для целей защиты интересов окружающей среды просто потому, что невозможно оценить, какими будут интересы будущих поколений с учетом уровня научно-технического прогресса и состояния окружающей среды в будущем.

В-четвертых, средства международного права слабо воплощают идею интеграции экономического развития и защиты окружающей среды, однако при этом идеально воспринимают антропоцентризм концепции устойчивого развития.

На политическом уровне приверженность интересам человека при достижении целей устойчивого развития подтверждается из года в год. В итоговом документе Рио +20 отмечается, что антропоцентрическая природа устойчивого развития является связующим звеном между защитой окружающей среды, социально-экономическим развитием и бедностью[8]. В пункте 34 Обобщающего доклада Генерального секретаря ООН по повестке дня в области устойчивого развития на период после 2015 года «Дорога к достойной жизни к 2030 году: искоренение нищеты, преобразование условий жизни всех людей и защита планеты» говорится, что «устойчивое развитие должно быть всеохватным и ориентированным на человека»[21]. Антропоцентризм концепции устойчивого развития проявляется и в том, что со временем интересы человека оформились в отдельный компонент устойчивого развития – социальное развитие.

В международно-правовом аспекте антропоцентризм концепции устойчивого развития прослеживается в двух направлениях.

Первое, права человека на современном этапе можно рассматривать в качестве главного нормативного «индикатора» неустойчивости развития. Анализируя практику Европейского суда по правам человека, можно прийти к выводу, что вопросы устойчивого развития затрагиваются судами опосредованно, через систему политических и социально-экономических прав. К числу таких прав относятся:

– право на жизнь (в деле *Oneryildiz Case* констатировано обязательство государства принимать необходимые меры, чтобы обеспечить право на жизнь, в случае деградации окружающей среды[22]);

– право на частную и семейную жизнь (в некоторых случаях –одновременно и право на жилище).

Европейский суд по правам человека усмотрел нарушение права на жилище и на частную и семейную жизнь, закрепленного в ст.8 Европейской конвенции о правах человека, признав невозможным его эффективное осуществление вследствие деградации окружающей среды в делах Lopez Ostra Case, Giacomelli Case, Fadeyeva Case, Guerra and Others case [23,24,25,26].

Однако для предоставления защиты должна быть доказана, как минимум, причинно-следственная связь между неблагоприятным состоянием окружающей среды и невозможностью эффективного осуществления вышеперечисленных прав человека, а зачастую еще и сопутствующие обстоятельства (степень неблагоприятного воздействия, принятия или непринятия государством мер и др.)

Таким образом, в ситуации, когда нарушение прав человека не доказано, международное право прав человека не обеспечивает даже учет экологического аспекта как составляющей устойчивого развития. Из этого следует, что «арсенал» международного права прав человека в принципе не может быть применен в интересах защиты окружающей среды в тех районах, где не затрагивается население и где права человека не могут выступить правовым индикатором «неустойчивости» (например, территории вне национальных юрисдикций), а также в ситуациях, когда исходя из существующих научных представлений невозможно доказать причинно-следственную связь между причинением вреда отдельным компонентам окружающей среды и нарушением прав человека.

Второе, международное право исходит из приоритета потребностей человека перед интересами защиты окружающей среды, в ситуации, когда такие интересы могут противоречить друг другу. Например, Конвенция о сохранении мигрирующих видов диких животных допускает в качестве одного из исключений добычу животных, находящихся под угрозой исчезновения, если такое добывание осуществляется с целью удовлетворения насущных потребностей традиционных пользователей такого вида [20].

Закономерно, что в странах, где удовлетворение потребностей в питьевой воде, пище и реализация неотъемлемых прав человека напрямую зависит от эксплуатации природных ресурсов, экономический компонент устойчивого развития получает преимущество. В качестве примеров таких ситуаций можно привести колоссальные темпы исчезновения лесов (в Южной Америке и Африке 3,6 и 3,4 млн. га в год соответственно) по причине освоения лесов под сельскохозяйственные угодья с целью продовольственного обеспечения растущего населения [27]. К подобным проблемам, безусловно, относятся выбросы парни-

ковых газов в атмосферу. По сравнению с 1990 годом количество выбросов в атмосферу увеличилось на 46 %, в том числе, за счет стремительного экономического роста в развивающихся странах [27].

Поэтому нормами международного права прав человека также не обеспечивается баланс между защитой окружающей среды и реализацией права на экономическое развитие. В определенных ситуациях это приводит к удовлетворению интересов человека в сфере социально-экономического развития в ущерб интересам окружающей среды.

Таким образом, модель устойчивого развития, существующая в международном праве, характеризуется отсутствием единой модели интеграции компонентов устойчивого развития. Ключевой компонент концепции устойчивого развития (необходимость интеграции экологического и экономического компонентов) не находит отражения в международно-правовом содержании концепции устойчивого развития в виде соответствующей юридической обязанности государств обеспечивать такое развитие, которое отвечало бы требованиям устойчивости с точки зрения защиты окружающей среды.

Поэтому следует согласиться с мнением о том, что устойчивое развитие не является обязательством государств по международному праву [10, С.23], и в ситуации конфликта интересов экономического развития с интересами охраны окружающей среды может безболезненно не соблюдаться.

В сферах, где защита окружающей среды противоречит интересам экономического развития, эти особенности правового характера составляют основу для полного превалирования экономического фактора над экологическим и, как следствие, деградации природных ресурсов, которые служат базой для экономического развития. С точки зрения эффективности подобное правовое регулирование равнозначно отсутствию регулирования вообще, т.к. позволяет там, где это необходимо, осуществлять экономическую деятельность в ущерб окружающей среде, и в итоге приводит к ситуации «неустойчивости», порождая проблемы гуманитарного плана.

Пути совершенствования международно-правовых средств обеспечения устойчивого развития

Необходимо отметить, что указанные особенности воплощения концепции устойчивого развития в международном праве, в свою очередь, обусловлены существующей парадигмой, а также особенностями современной системы международного права в целом.

Во-первых, современная парадигма устойчивого развития делает акцент на принципиальной возможности и необходимости комплексного, сбалансированного развития экономического, экологического и социального компонентов. Непризнание на доктринальном уровне принципиальной невозможности интеграции факторов устойчивого развития в некоторых сферах не способствует развитию в международном праве своего рода «коллизийных» норм, на основе которых разрешались бы противоречия между интересами развития и защитой окружающей среды и тому, чтобы применение таких норм было обеспечено институционально.

Во-вторых, антропоцентризм концепции устойчивого развития не способствует усилению правовых средств, направленных на защиту окружающей среды там, где это не связано с реализацией прав человека. Права человека, хоть и являются своего рода нормативным «индикатором» неустойчивости развития, но этот индикатор устроен так, что будет срабатывать только в крайне тяжелых случаях.

В-третьих, главенство принципа суверенного равенства государств не способствует принятию государствами международных обязательств по ограничению отдельных видов хозяйственной деятельности в пользу охраны окружающей среды, если это противоречит интересам их развития.

Учитывая перечисленные особенности, кардинальное изменение правовых средств, на основе которых будет обеспечиваться глобальное устойчивое развитие, вряд ли возможно без смены существующей парадигмы и перестройки всей системы международного права, а потому маловероятно.

Однако, несмотря на отмеченные тенденции, можно привести отдельные примеры, свидетельствующие о возможности развития международного права в направлении устойчивого развития в существующей системе и при существующей парадигме. Так, не отказываясь от суверенитета над своими природными ресурсами, государства могут одновременно принимать на себя юридические обязательства по сокращению неблагоприятного воздействия на окружающую среду в определенном секторе экономики. Такие тенденции можно проследить в текстах договора и протокола к Энергетической хартии, Международного соглашения по тропической древесине и Минаматской конвенции о ртути.

Подобные примеры свидетельствуют о том, что движение международного права в направлении устойчивого развития возможно посредством достижения договоренностей между государствами и закрепления в международных договорах от-

дельных юридических обязательств государств по ограничению темпов экономического развития в отдельных сферах, либо по созданию на основе норм международного права отдельных международно-правовых режимов, предусматривающих сохранение или устойчивое использование компонентов окружающей среды.

Вместе с тем, можно предположить возможность некоторого «сдвига» политической доктрины без изменения международно-правового содержания концепции устойчивого развития. Речь идет о смене общей установки на интеграцию экономического и экологического фактора при принятии политических решений признанием принципиальной невозможности такой интеграции в тех сферах, где интересы экономического и регионального развития противостоят интересам охраны окружающей среды. Это способствовало бы большему соответствию между политическими целями устойчивого развития и международно-правовыми средствами их достижения, упростив тем самым достижение политического консенсуса при создании норм международного права.

Анализируя документы последних лет, можно отметить некоторые тенденции. В итоговом документе Конференции ООН по устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро 2012 года «Будущее, которое мы хотим» значительная часть посвящена зеленой экономике[8]. Примечательно, что концепция зеленой экономики основана на тех же принципах Декларации Рио-де-Жанейро, что и концепция устойчивого развития. От концепции устойчивого развития ее отличают дополнительные 8 принципов, которые, по сути, позволяют «вписать» устойчивое развитие в условия экономического роста, акцентируют значение экономического роста как главного условия достижения целей устойчивого развития[28]. В этом можно было бы усмотреть определенное «смещение» доктрины. Однако в итоговом документе «Будущее, которое мы хотим» указывается, что зеленая экономика является средством достижения устойчивого развития[26]. Таким образом, зеленая экономика не рассматривается как новая версия концепции устойчивого развития и как отказ от универсальной идеи интеграции экономического развития и защиты окружающей среды.

С другой стороны, в докладе ООН «Цели развития тысячелетия» за 2015 год при определении задач на будущее акцент сделан на обеспечение экологической устойчивости и, по сути, прослеживается признание отсутствия в предыдущем опыте реальной интеграции двух конкурирующих факторов устойчивого развития. В частности, отмечается важность под-

линной интеграции амбициозных планов в области развития и охраны окружающей среды, а также усиления экологической составляющей устойчивого развития[2]. Пока не ясно, станет ли это основой для возникновения юридических обязательств государств общего характера, направленных на усиление экологической составляющей в процессе развития. На сегодняшний день можно лишь говорить об осознании потребности в некотором переосмыслении идеи интеграции как ключевого элемента концепции устойчивого развития.

В целом из приведенного анализа следует, что воплощение идеи интеграции экономического развития и защиты окружающей среды международно-правовыми инструментами в достаточной степени не обеспечивается. Имеется «разрыв» между политической целью устойчивого развития и возможностями международного права по ее достижению, преодоление которого возможно путем создания на основе норм международного права отдельных международно-правовых режимов, предусматривающих сохранение или устойчивое использование компонентов окружающей среды.

Библиография:

1. Sustainable development 20 years on from the Earth summit. Progress, gaps and strategic guidelines for Latin America and The Caribbean [Электронный ресурс]. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/index.php?page=view&type=400&nr=981&menu=35>.
2. Доклад ООН «Цели тысячелетнего развития» за 2015 год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/millenniumgoals/mdgreport2015.pdf>.
3. Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития «Наше общее будущее» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf>.
4. Декларация по проблемам окружающей человека среды/ Принята Конференцией Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды, Стокгольм, 5-16 июня 1972 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml.
5. Всемирная хартия природы/Принята Резолюцией №37/7 Генеральной Ассамблеи ООН от 28.10.1982 [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/charter_for_nature.shtml.
6. Декларация по окружающей среде и развитию/Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/russian/document/declarat/riodeclat.htm>.
7. Йоханнесбургская декларация по устойчивому развитию 2002г./ Принята на Всемирной встрече на высшем уровне по устойчивому развитию (Йоханнесбург, Южная Африка, 26 августа – 4 сентября 2002 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_wssd.shtml.
8. Итоговый документ Конференции ООН «Будущее, которое мы хотим»/Одобен Резолюцией №66/288 Генеральной Ассамблеи ООН от 27.07.2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://rio20.un.org/sites/rio20.un.org/files/a-conf.216-l-1-russian.pdf.pdf>.
9. Boutaud Aurelien. Le developpement durable: penser le changement ou changer le pensement? [Электронный ресурс]. URL: these de science et genie de l'environnement. Saint-Etienne, 2005. URL :<http://www.wwwv1.agora21.org/entreprise/these-ABoutaud-00.pdf>.
10. Birnie Patricia W. International Law and The Environment/Patricia Birnie, Alan Boyle, Catherine Redgwell.Oxford University Press,2009. 888p.
11. Sands Ph. International Law in the Field of Sustainable Development: Emerging Legal Principles/Sustainable Development and International Law. – 1994. – P.54-58.
12. Tladi D. Sustainable development in international law: An analysis of key enviro-economic instruments. Pretoria University Law Press, 2007.274p.
13. Бринчук М.М., Урсул А.Д., Мاستушкин М.Ю. Правовые аспекты устойчивого развития. М.: Ступени,2005.301с.
14. Bosselman K. The Principle of Sustainability, Transforming Law and Governance. Ashgate Publishing Limited, 2008. 252p.
15. Lowe V. Sustainable development and unsustainable arguments//International law and sustainable development/ Boyle A. and Freestone B (eds).Oxford University Press, 1999.P.20-35.
16. Gabcikovo-Nagymaros Project (Hungary v. Slovakia). Judgement // I.C.J. Reports. – 1997. – P. 7.
17. Pulp Mills on the River Uruguay (Argentina v. Uruguay). Judgement//I.C.J. Reports. – 2010. – P.14.
18. Конвенция о биологическом разнообразии [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml.
19. Протокол об изменении Конвенции по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов 1972г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol_sea_waste.shtml.
20. Конвенция по сохранению мигрирующих видов диких животных [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/wild_animals.pdf.
21. The road to dignity by 2030:ending poverty, transforming all lives and protecting the planet/Synthesis report of the Secretary-General on the post-2015 sustainable development agenda [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/69/700&Lang=E.
22. Case of Oneryildiz v. Turkey/Application№48939/99. Judgement of 30 November 2004 [Электронный ресурс]. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-67614>.

23. Case of Lopez Ostra v.Spain/Application №16798/90. Judgement of 9 December 1994 [Электронный ресурс].URL:<http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-57905>.
24. Case of Guerra and Others v.Italy/Application № 14967/89. Judgement of 19 February 1998 [Электронный ресурс].URL:<http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-58135#%22itemid%22:%22001-58135%22>).
25. Case of Giacomelli and Others v.Italy/Application № 59909/00. Judgement of 2 November 2006 [Электронный ресурс]. URL:<http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-77785>.
26. Case of Fadeyeva v. Russia/Application №55723/00. Judgement of 9 June 2005 [Электронный ресурс].URL:<http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-69315>.
27. The Millenium Development Goals Report. United Nations.2013 [Электронный ресурс].URL: <http://www.un.org/millenniumgoals/pdf/report-2013/mdg-report-2013-english.pdf>.
28. A Guidebook to the Green Economy/Division for Sustainable Development. UNDESA.Issue 1.August,2012 [Электронный ресурс].URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/GE%20Guidebook.pdf>.
29. Р. А. Каламкрян Кодификация и прогрессивное развитие международного права как формы административно-правовой деятельности мирового сообщества по совершенствованию международного права. // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. – 2011. – 4. – С. 63 – 76.

References (transliterated):

1. Boutaud Aurelien. Le developpement durable: penser le changement ou changer le pensement? [Elektronnyi resurs]. URL:these de science et genie de l'environnement. Saint-Etienne, 2005.URL :<http://www.www1.abora21.org/entreprise/these-ABoutaud-00.pdf>.
2. Birnie Patricia W. International Law and The Environment/Patricia Birnie, Alan Boyle, Catherine Redgwell.Oxford University Press,2009. 888r.
3. Sands Ph. International Law in the Field of Sustainable Development: Emerging Legal Principles/Sustainable Development and International Law. – 1994. – R.54-58.
4. Tladi D. Sustainable development in international law: An analysis of key enviro-economic instruments. Pretoria University Law Press, 2007.274p.
5. Brinchuk M.M., Ursul A.D., Mastushkin M.Yu. Pravovye aspekty ustoichivogo razvitiya. M.: Stupeni,2005.301s.
6. Bosselman K. The Principle of Sustainability, Transforming Law and Governance. Ashgate Publishing Limited, 2008. 252r.
7. Lowe V. Sustainable development and unsustainable arguments//International law and sustainable development/ Boyle A. and Freestone V (eds).Oxford University Press, 1999.P.20-35.
8. R. A. Kalamkaryan Kodifikatsiya i progressivnoe razvitie mezhdunarodnogo prava kak formy administrativno-pravovoi deyatel'nosti mirovogo soobshchestva po sovershenstvovaniyu mezhdunarodnogo prava. // Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii / International Law and International Organizations. – 2011. – 4. – С. 63 – 76.